
ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

УДК 314.74
doi: 10.31249/espr/2021.04.06

Г.В. Семеко*

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ В ЕВРОСОЮЗЕ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА COVID-19

Аннотация. Карантинные меры и ограничения передвижения, связанные с распространением вируса COVID-19, оказали серьезное влияние на мобильность населения в ЕС, в частности на миграцию рабочей силы. Пандемия выявила значительный вклад трудовых мигрантов в поддержание жизненно важных отраслей европейской экономики, что обусловило необходимость переоценки их роли и адаптации иммиграционной политики к сложившимся на рынке труда условиям. В работе анализируется воздействие кризиса COVID-19 на положение трудовых мигрантов, их занятость, заработную плату, денежные переводы на родину, а также на регулирование миграционных потоков и иммиграционную политику. Рассматриваются также проблемы трудовой миграции из стран Восточного партнерства в ЕС.

Ключевые слова: пандемия COVID-19; ЕС; мобильность населения; трудовая миграция; иммиграционная политика; страны Восточного партнерства.

Для цитирования: Семеко Г.В. Трудовая миграция в Евросоюзе в условиях кризиса COVID-19 // Экономические и социальные проблемы России. – 2021. – № 4. – С. 110–128.

G.V. Semeko

Labor migration in the European Union in the context of the COVID-19 crisis

Abstract. Quarantine measures and restrictions on movement associated with the spread of the COVID-19 virus have a serious impact on the mobility of the population in the EU, in particular on the labor migration. The pandemic highlighted the significant

* **Семеко Галина Викторовна**, канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник Отдела экономики Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН).

Semeko Galina, PhD (Econ. Sci.), Leading Researcher of the Department of Economics, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

contribution of the migrant workforce to the keeping vital sections of the European economy operational, which necessitated a reassessment of its role and the adaptation of immigration policy. The article analyzes the impact of the COVID-19 crisis on the situation of migrant workers, their employment, wages, remittances to their homeland, as well as on the regulation of migration flows and immigration policy. The problems of labor migration from the Eastern Partnership countries to the EU countries are also considered.

Keywords: COVID-19 pandemic; European Union; population mobility; labor migration; immigration policy; Eastern Partnership countries.

For citation: Semeko G.V. Labor migration in the European Union in the context of the COVID-19 crisis // Economic and Social Problems of Russia. – 2021. – N 4. – P. 110–128.

Введение

Мобильность людей оказывает серьезное влияние на скорость распространения болезней и эпидемий. По этой причине в условиях пандемии COVID-19 изучение мобильности людей приобретает особое значение. Как показывают исследования, ограничение передвижений людей (например, запреты на международные поездки, закрытие национальных границ, карантинные меры, ограничивающие контакты людей) является основной стратегией сокращения числа заражений путем прерывания цепочек передачи коронавируса [Human mobility data ..., 2021]. Такую стратегию применяют как страны Евросоюза, так и Россия.

В целях предотвращения распространения коронавируса страны Евросоюза закрыли свои границы и ввели ограничения на передвижение. Это привело к тому, что многие европейцы оказались в положении немобильности (хотя и временном), тогда как недавно их паспорта позволяли посещать почти 180 стран без предварительного разрешения. За исключением военного времени, европейские граждане редко подвергались таким ограничениям не только за пределами, но и внутри Европы. Введенные во время пандемии COVID-19 меры принципиально отличаются от подобных, применявшихся ранее и касавшихся в основном мигрантов из стран Юга. Теперь они распространились на всех мигрантов, включая внутренних и выходцев из стран Севера. Причем ограничения мобильности в странах Евросоюза нацелены на защиту жизни их граждан, а не государственного суверенитета, идентичности, культуры и т.п.

Пагубные последствия ограничения мобильности людей для экономики быстро проявились в форме значительного сокращения отработанного времени. По оценкам Международной организации труда (МОТ), за второй квартал 2020 г. потери отработанного времени достигли в Европе 17,5%, что близко к среднему глобальному показателю в 17,3%, но выше, чем в Азиатско-Тихоокеанском регионе (15,2%), Африке (15,6%), арабских государствах (16,9%), хотя ниже, чем в Северной и Южной Америке (28%) [Global wage report ..., 2020, p. 17].

Карантинные меры и ограничения передвижения особенно затронули все категории мигрантов – от легальных трудовых мигрантов до беженцев, – и привели к сокращению уровня их мобильности в Европе. В начале 2020 г. аналитики прогнозировали рост притока трудовых мигрантов в странах Евросоюза, но вместо этого произошло сокращение этого потока на 13%, т.е. до самого низкого уровня с 2013 г. Наибольший спад миграционного потока наблюдался в апреле – июне 2020 г. Согласно данным Евростата, за период с начала 2019 г. по ноябрь 2020 г. (включительно) количество заявлений о предоставлении права на жительство сократилось на 37% (с 408,7 до 257,1 тыс.) [Damiani, 2021]. При этом структура заявителей по национальности не изменилась. Самыми многочисленными по-прежнему являлись выходцы из Сирии, Афганистана и Ирака (на них приходилось более 47% всех заявлений). Основная часть миграционных потоков поступает через Средиземное море и Балканы. Особенно востребованными остаются миграционные маршруты из Северной Африки в Италию (поток мигрантов здесь в 2020 г. даже превысил докризисный уровень). Факторы, которые стимулируют миграцию из Северной Африки (отсутствие рабочих мест и продовольственной безопасности, политические конфликты, изменение климата и др.) в период пандемии только усугубились. По оценкам, в странах Африки количество рабочих мест в связи с пандемией сократилось на 20 тыс. [La pandémie a exacerbé ..., 2021]. Тем не менее такое изменение миграционных потоков в европейские страны повлияло на состояние их экономик, что является предметом анализа данной статьи.

Переоценка роли трудовых мигрантов

Одной из центральных проблем, связанных с пандемией, стало поддержание функционирования (устойчивости) основных сфер экономики и системы социальных услуг¹: здравоохранения, социального обслуживания, производства продовольствия и ведения сельского хозяйства, а также работы инфраструктурных отраслей – транспорта и логистики. Весной и летом 2020 г. в связи с чрезвычайной ситуацией в европейских странах сократилось предложение рабочей силы в сельском хозяйстве и социальном обслуживании (услуги по уходу). В результате функционирование важнейших секторов оказалось под угрозой. В начале пандемии правительства ограничивали передвижение и доступ к рабочим местам, но вскоре были вынуждены объявить некоторые рабочие места «жизненно важными» (essential), а занимающих их работников – «ключевыми» (key workers). Последние, как правило, освобождались от самых строгих каран-

¹ Устойчивость в широком смысле понимается как способность противостоять неожиданным внешним потрясениям, восстанавливаться после них и адаптироваться к ним.

тинных ограничений, а в ряде случаев их обязывали выполнять свою работу [Anderson, Poeschel, Ruhs, 2020].

Единого определения понятия «ключевой работник» не существует. США, Великобритания, а также Еврокомиссия опубликовали перечень «ключевых» работников, которые должны ходить на работу и обеспечивать функционирование базовой экономической инфраструктуры и общественного здравоохранения в период пандемии, когда большинство людей обязаны оставаться дома. В этот перечень включено большинство работников здравоохранения (от врачей и медсестер до помощников по уходу и персонала диагностических лабораторий), сотрудников правоохранительных органов и системы общественной безопасности, а также предприятий, производящих продукты питания, торговли, сектора коммунальных и финансовых услуг, транспорта и логистики и др.

Социально-экономические последствия пандемии создали предпосылки для значительных сдвигов в общественном мнении европейских стран в отношении вклада в экономику ряда категорий трудовых мигрантов [Fernández-Reino, Sumption, Vargas-Silva, 2020]. Именно они выполняют многие виды работ, которые были признаны жизненно необходимыми в условиях чрезвычайной ситуации, но часто являются низкооплачиваемыми. Поэтому в категорию «ключевые работники» были включены трудовые мигранты, занимающие низкоквалифицированные рабочие места в важнейших секторах экономики. В их числе – сборщики урожая, рабочие на производствах по переработке сельскохозяйственных продуктов, помощники по уходу за детьми, пожилыми и больными людьми, уборщики в больницах и т.д. [Fernández-Reino, Sumption, Vargas-Silva, 2020; Fasani, Mazza, 2020 a].

По оценкам Ф. Фазани (Лондонский университет королевы Марии) и Дж. Мазза (исследовательский центр при Европейской комиссии), по состоянию на начало пандемии COVID-19 «ключевыми работниками» в ЕС являлись в среднем около 31% занятых трудоспособного возраста. Однако по отдельным странам этот показатель существенно различался: от более 40% в Дании и Франции до чуть более 10% в Болгарии и Словении [Fasani, Mazza, 2020 a, p. 3].

Среди всех «ключевых работников» более половины (58%) приходится на пять основных профессиональных групп: преподаватели (14,5%), квалифицированные сельскохозяйственные работники (11,9), специалисты в области науки и техники (11,1), индивидуальные услуги по уходу (медицинские работники) (10,3%), уборщики и прислуга (9,9%). В этих пяти профессиональных группах преобладают женщины (более 50%), в то время как в остальных профессиональных группах «ключевых работников» – мужчины. Такая картина характерна как для занятых, являющихся коренными жителями соответствующих стран, так и для работников-мигрантов (включая выходцев как из других стран ЕС, так и из стран, не входящих в ЕС) [Fasani, Mazza, 2020 a, p. 4].

В распределении по профессиональным группам мигрантов из стран ЕС и из стран, не входящих в ЕС, отмечаются некоторые различия. Так, среди мигрантов из стран ЕС наибольшая доля приходится на три профессиональные группы: уборщики и прислуга (20,9%), индивидуальные услуги по уходу (12,5) и преподаватели (11,1%). Мигранты из стран, не входящих в ЕС, наиболее востребованы на рабочих местах уборщика и прислуги (27,8%), индивидуальных услугах по уходу (16,6), водителя легковых автомобилей и строительно-дорожных машин (9%) [Fasani, Mazza, 2020 a, p. 4].

По расчетам Фазани и Мазза, в целом по ЕС-14¹+Великобритания в среднем среди коренных занятых (т.е. граждан европейских стран) 35% относятся к категории «ключевые работники». Среди мигрантов из стран ЕС доля «ключевых работников» составляет 38%. В последней группе – мигранты из стран, не входящих в ЕС, – доля «ключевых работников» наивысшая – 42% [Fasani, Mazza, 2020 b, p. 7]. Это свидетельствует об относительно более значительном вкладе мигрантов из стран, не входящих в ЕС, в функционирование жизненно важных секторов европейской экономики.

В целом по ЕС-27 (без Великобритании) большинство «ключевых работников» составляют коренные жители, а доля трудовых мигрантов в среднем составляет менее 13%. В отличие от ЕС-27 в группе стран ЕС-14+Великобритания, которые в основном являются принимающими странами, доля мигрантов в общей численности «ключевых работников» выше и достигает 20%. Этот показатель превышает долю всех трудовых мигрантов в общей численности занятых в рассматриваемых странах, которая составляет 15,8% (из них 5,9% мигранты из стран ЕС и 9,9% из третьих стран).

Доля мигрантов среди «ключевых работников» сильно различается по странам ЕС. В частности, она варьирует от 5% в Финляндии и Греции до около 20% в Италии, Бельгии, Германии, Швеции, Великобритании и Австрии. Самые высокие показатели – в Ирландии (26%) и Люксембурге (53%) [Fasani, Mazza, 2020 b, p. 8].

Однако в странах Восточной Европы и Балтии, которые являются поставщиками рабочей силы в западноевропейские страны, рассматриваемый показатель ниже среднего по ЕС-27. В частности, он близок к нулю в Румынии, Болгарии, Польше и Словакии [Fasani, Mazza, 2020 a, p. 5].

Различия во вкладе мигрантов в обеспечение функционирования экономики и социальной сферы в государствах ЕС в основном отражает существующие различия в доле трудящихся-мигрантов в общей численности рабочей силы. Хотя трудовые мигранты везде выступают в качестве неотъемлемой части «ключевых работников», которые имеют жизненно важное значение в условиях пандемии COVID-19.

¹ Австрия, Бельгия, Германия, Дания, Греция, Испания, Финляндия, Франция, Ирландия, Италия, Люксембург, Нидерланды, Португалия, Швеция.

Положение трудовых мигрантов в условиях пандемии

Глобальная экономическая рецессия, вызванная пандемией, усугубила положение трудовых мигрантов, находящихся в странах ЕС или вернувшихся на родину из этих стран. Как и при предшествующих рецессиях, трудовые мигранты входят в группу наиболее уязвимых категорий трудящихся (наряду с другими низкооплачиваемыми работниками, молодежью, женщинами и представителями этнических меньшинств) и подвергаются высокому риску безработицы. Языковой и институциональные барьеры, ограничивающие доступ мигрантов к рабочим местам, использование работодателями нестандартных или неформальных трудовых договоров, короткие сроки трудоустройства и др. делают статус занятости мигрантов особенно чувствительным к колебаниям делового цикла и повышают риск увольнения в условиях экономического спада. Иммигранты, как правило, имеют менее стабильные условия труда и короткий трудовой стаж, обычно не заключают официальных контрактов. В периоды спада на рынке труда, когда наличие контрактов актуализируется, дискриминация их естественно усиливается.

Пандемия отразилась и на уровне заработка низкооплачиваемых работников, среди которых значительную долю составляют мигранты, тем самым усилив неравенство в оплате труда.

По данным МОТ, в 2019 г. среди всех занятых в Западной Европе с минимальным и ниже размером зарплаты доля мигрантов составляет 14%, в то время как среди занятых с зарплатой выше минимальной – 8%. Многие европейские страны ввели или расширили субсидирование наиболее затронутых кризисом отраслей, чтобы поддержать уровень оплаты труда и сохранить рабочие места во время кризиса. По оценкам МОТ, в десяти европейских странах, по которым имеются данные, соответствующие субсидии позволили компенсировать 40% общей потери в зарплате, включая потери, вызванные сокращением отработанного времени. Без таких субсидий во втором квартале 2020 г. до 50% низкооплачиваемых работников потеряли бы 17,3% своей зарплаты, что намного больше тех потерь, которые понесли в целом все работники (6,5%) [Global wage report ..., 2020, p. 15, 131].

В целях поддержки низкооплачиваемых работников многие страны с 2020 г. регулярно проводили корректировки минимальной заработной платы для ее поддержания на адекватном уровне.

Пандемический кризис подчеркнул более высокий уровень уязвимости мигрантов по сравнению с коренными жителями. Бедность, проживание в условиях перенаселенности, высокая концентрация людей на рабочих местах, где нет возможности обеспечить физическое дистанцирование, обуславливают более высокий риск заражения COVID-19 среди мигрантов, чем среди коренного населения. Так, среди подтвержденных случаев заболевания в Норвегии 31% приходится на иностранцев (в ос-

новном мигрантов), что почти в два раза превышает их долю среди населения страны. Такая же тенденция отмечается и в других европейских странах. В Швеции в период пика пандемии (с 13 марта по 7 мая 2020 г.) на иммигрантов приходилось 32% случаев заболевания, хотя их доля среди населения составляла 19%. В Дании, где иммигранты составляют около 9%, их доля среди инфицированных достигает 18%; в Португалии при доле иностранцев в населении в 11% на них приходится 24% случаев заражения COVID-19 [What is the impact ..., 2020, p. 5].

Положение иммигрантов на рынке труда усугубляется тем, что кризис COVID-19 затронул в первую очередь отрасли и сектора, где они наиболее широко представлены. Так, например, в особенно сильно пострадавшем гостиничном бизнесе четверть работников в ЕС составляют иностранцы, что вдвое превышает их долю в общей занятости. В Австрии, Финляндии, Германии, Ирландии, Люксембурге, Норвегии, Швейцарии и Швеции на них приходится более 40% занятых в этой отрасли [What is the impact ..., 2020, p. 9].

Европейские ученые Фазани и Мазза попытались оценить степень уязвимости трудовых мигрантов в условиях кризиса COVID-19 в 2020 г. в зоне, включающей 14 стран ЕС и Великобританию [Fasani, Mazza, Being on ..., 2020 a; Fasani, Mazza, 2020 c]. Они предложили оригинальный метод оценки риска безработицы, основываясь на четырех факторах уязвимости занятости трудовых мигрантов: 1) вхождение в категорию «ключевые работники»; 2) временный статус занятости; 3) возможность удаленной работы; 4) устойчивость отрасли к пандемическому кризису¹. Были использованы данные Евростата о рынке труда (EU Labour Force Survey). При определении «ключевых работников» авторы опирались на Международную стандартную классификацию занятий 2008 г. (International Standard Classification of Occupations, ISCO-08).

Риск увольнения и безработицы у трудовых мигрантов варьирует в зависимости от перечисленных факторов уязвимости. Чем меньше факторов уязвимости имеет занятость, тем ниже уровень риска увольнения и безработицы мигранта. Так, самый высокий уровень риска у мигрантов, которые не включены в категорию «ключевые работники», имеют временный статус занятости, не могут выполнять свои функции в удаленном режиме и трудятся в отрасли, которая не устойчива к пандемии. Наиболее низкий уровень риска имеют мигранты – «неключевые работники» в случае, когда у них есть постоянный трудовой договор и они могут выполнять свои функции в удаленном режиме, а отрасль, в которой они трудятся, устойчива к пандемии. В любом случае мигранты – «неключевые работ-

¹ Отрасль считается устойчивой, если доля рабочих мест в этой отрасли, затронутых кризисом (и карантинными мерами), ниже медианного показателя по всей экономике. Наоборот, отрасль считается неустойчивой, если эта доля выше медианного показателя по всей экономике.

ники» подвергаются большему риску увольнения, чем мигранты, включенные в категорию «ключевые работники». Кроме того, как «ключевые», так и «неключевые» работники-мигранты более уязвимы (подвержены безработице, не имеют социальной защиты) в сравнении с коренными жителями, когда речь заходит об условиях их труда: продолжительности контракта, заработка, физического присутствия на работе и возможности удаленной работы [Fasani, Mazza, 2020 b, p. 18].

По расчетам данных исследователей, примерно 3,1 млн мигрантов, прибывших из стран ЕС, рискуют стать безработными из-за пандемии (в том числе почти 400 тыс. находятся под очень высоким риском), что составляет 31% от 10,2 млн человек в регионе ЕС-14+Великобритания. Среди мигрантов из стран, не входящих в ЕС, из-за пандемии могут потерять работу 6,1 млн человек, что составляет 32,7% от 18,9 млн человек, в том числе почти 1 млн человек находятся под очень высоким риском [Fasani, Mazza, 2020 b, p. 20].

Влияние пандемии COVID-19 на иммиграционную политику

Общей чертой иммиграционных систем во всем мире является предпочтение, отдаваемое работникам с более высоким уровнем образования, претендующим на более высокую зарплату. Мигранты с более высокой зарплатой приносят государственному бюджету бóльший доход в форме налоговых отчислений. Кроме того, их труд отличается более высокой производительностью, в дальнейшем такие работники имеют бóльшие возможности для инвестиций и предпринимательской деятельности. Убеждение, что следует привлекать квалифицированных мигрантов, как свидетельствуют опросы коренных жителей, преобладает и в общественном мнении [Fernández-Reino, Sumption, Vargas-Silva, 2020].

В исследованиях, посвященных миграции, убедительно доказано, что наиболее высокие экономические выгоды приносит использование высококвалифицированных мигрантов на хорошо оплачиваемых рабочих местах. Однако имеется очень мало конкретных рекомендаций по поводу того, как рассчитать, скольким мигрантам определенной квалификации следует разрешить въезд в страну. Решение этого вопроса полностью лежит на правительстве, которое руководствуется собственным пониманием ценности мигрантов и потребности в них. В итоге иммиграционная политика обычно носит ограничительный характер и сдерживает приток низкоквалифицированных мигрантов.

В большинстве стран мира с помощью иммиграционной политики производится отбор мигрантов на основе их профессионального профиля. Профессии классифицируются на низкоквалифицированные и высококвалифицированные в зависимости от продолжительности обучения и / или полученного формального образования, а также от опыта работы. Таким образом, в рамках отдельной профессии учитываются в основном уровень

образования и опыт работы мигрантов и не принимаются в расчет другие имеющиеся у них профессиональные навыки, которые могут быть полезны обществу и работодателям.

Иммиграционные системы в странах с высоким уровнем дохода, как правило, более открыты для мигрантов, способных выполнять более квалифицированные и высокооплачиваемые виды работ. Количество выдаваемых рабочих виз для высококвалифицированных работников обычно не ограничивается, а к их соискателям не предъявляются требования наличия договоренности с работодателем, места жительства, гражданства и т.д. Низкоквалифицированные мигранты при получении рабочей визы сталкиваются с более сложными бюрократическими процедурами, касающимися договоренности с работодателем, оплаты и условий труда, продолжительности пребывания на территории страны прибытия и др.

В дополнение к отбору мигрантов на основе их квалификации и профессиональных навыков иммиграционные системы часто применяют различные правила к конкретным профессиям, которые по какой-либо причине считаются важными. Например, в Великобритании есть список дефицитных профессий, которые пользуются высоким спросом, но мало привлекательны для коренного населения с точки зрения зарплаты и условий труда. Мигранты, претендующие на включенные в этот список рабочие места и соглашающиеся на предлагаемую зарплату и условия труда, имеют больше шансов на получение рабочей визы. В отдельных странах (Великобритания, Германия, Франция, Испания и др.) имеются отраслевые программы приема временных работников-мигрантов на низкооплачиваемую работу, например, в сельском хозяйстве [Hooper, Le Coz, 2020].

Существуют примеры принятия иммиграционных мер в ответ на конкретную чрезвычайную ситуацию. Так, после землетрясения 2011 г. в Крайстчерче (Christchurch) Новая Зеландия включила в список «критически важных профессиональных квалификаций» ряд профессий в области строительства и транспорта, что значительно облегчило получение рабочих виз для мигрантов, обладающих соответствующей квалификацией [New Zealand ..., 2020]. Однако в этом, как и в других подобных списках, нет профессий, которые стали чрезвычайно важными в условиях кризиса COVID-19.

Нынешняя чрезвычайная ситуация диктует беспрецедентные изменения в концепции и методах иммиграционной политики. Главная проблема состоит в том, следует ли учитывать заранее, до возникновения чрезвычайной ситуации, возможный рост потребности в «ключевых работниках». Кроме того, важно понять, какой должна быть иммиграционная политика в условиях чрезвычайной ситуации, является ли увеличение притока иммигрантов правильным ответом на обусловленный пандемией рост спроса на определенные профессии и есть ли альтернативные решения.

В перенастройке иммиграционной политики могут применяться два подхода. Первый предполагает быстрое реагирование на чрезвычайную

ситуацию и переход с ограничения на расширение потока трудовых мигрантов. Он обычно используется в рамках краткосрочных корректировок иммиграционной политики с целью удовлетворения повышенного спроса на сезонных работников. Однако, как показывает опыт, реализация такого подхода сталкивается с большими трудностями, поскольку нет возможности предугадать момент наступления чрезвычайной ситуации и подготовиться к ней. Между тем необходимо заблаговременно определить момент пикового спроса на определенные профессии с учетом времени, требующегося для оформления иммиграционных документов. Организовать расширение притока мигрантов для удовлетворения неожиданного высокого спроса на работников в условиях пандемии еще сложнее, поскольку страны вводят ограничения на международные поездки.

Помимо краткосрочного регулирования численности принимаемых трудовых мигрантов в зависимости от спроса на рабочую силу, существует подход, суть которого состоит в том, чтобы заранее подготовить к чрезвычайным ситуациям определенные отрасли и сектора экономики, имеющие жизненно важное значение для экономики. Они должны иметь достаточный резерв рабочей силы (или возможность привлечения дополнительных работников), чтобы в любой момент расширить производство и удовлетворить повышенный спрос на товары и услуги. Решение о том, какие именно отрасли следует считать «жизненно важными», конечно, непростое и требует тщательного анализа. В отличие от предшествующих чрезвычайных ситуаций нынешняя пандемия отличается тем, что повышенный спрос на работников жизненно важных отраслей сопровождается массовыми увольнениями работников в других отраслях. В связи с этим существует больше возможностей для восполнения нехватки «ключевых работников» за счет уволенных коренных жителей, а не за счет мигрантов [Fernández-Reino, Sumption, Vargas-Silva, 2020].

Анализ влияния пандемии COVID-19 на миграционную политику в государствах – членах ЕС в течение 2020 г., проведенный экспертами Европейской миграционной сети (The European Migration Network, EMN), показал, что для сдерживания распространения COVID-19 большинство государств – членов ЕС ввели ограничения на прием мигрантов, изменения в условиях въезда иностранных граждан, пограничных процедурах, предоставлении мигрантам медицинских услуг, связанных с COVID-19, и т.д. [The impact of COVID-19 ..., 2021].

Одновременно в отношении мигрантов, уже находящихся на территории стран ЕС, были приняты меры к тому, чтобы они не переходили на нелегальное положение из-за ограничений на поездки или изменений процедур приема мигрантов. Так, с марта по июнь 2020 г. в странах ЕС было введено автоматическое продление временных разрешений на жительство и работу. Мигрантам было разрешено оставаться на территории принимающих стран, отменено их принудительное возвращение на родину после окончания срока временного пребывания. В последующие месяцы многие

страны (Бельгия, Болгария, Португалия, Ирландия, Франция, Испания и др.) автоматически продлевали рабочие визы, и такая практика продолжилась в 2021 г. Кроме того, были введены более гибкие требования к минимальному доходу, необходимому для получения вида на жительство. В большинстве стран ЕС мигранты получили доступ к медицинскому обслуживанию, связанному с COVID-19. При этом расходы на него покрывались за счет государственного медицинского страхования, системы социального обеспечения и других государственных фондов. Для мигрантов, которые приезжают на регулярной основе, были сохранены основные правила доступа к общей системе медицинского обслуживания [The impact of COVID-19 ..., 2021].

Понимая, что в условиях пандемии предложение «ключевых работников» на рынке труда должно не только поддерживаться на уже достигнутом уровне, обеспечивающем нормальное функционирование соответствующих отраслей, но и увеличиваться, правительства многих стран ЕС достаточно быстро предприняли надлежащие меры [Anderson, Poeschel, Ruhs, 2020]. При определении жизненно важных отраслей они руководствовались специально разработанными рекомендациями Европейской комиссии (European Commission of 16 March 2020)¹ и Совета ЕС (Council Recommendation of 30 June 2020)². Основными ключевыми секторами в этих документах были определены здравоохранение, сельское хозяйство и транспорт. Даже в тех странах, где правительство не утвердило перечень ключевых (жизненно важных) секторов, нуждающихся в рабочей силе, были приняты меры для облегчения приема трудовых мигрантов в эти сектора [The impact of COVID-19 ..., 2021].

«Ключевым работникам» был обеспечен доступ на территорию принимающих стран за счет традиционных инструментов: квот на прием мигрантов и освобождения сезонных работников от ограничений на въезд. Например, весной 2020 г. правительство Италии предоставило разрешение на временное пребывание мигрантам, занятым в сельском хозяйстве и здравоохранении, а правительства Австрии и Германии разрешили въезд мигрантов для работы на фермах и в домах престарелых. В Великобритании было принято решение об автоматическом продлении срока действия виз для врачей, медсестер и фельдшеров [Anderson, Poeschel, Ruhs, 2020].

¹ Guidance on the implementation of the temporary restriction on non-essential travel to the EU, on the facilitation of transit arrangements for the repatriation of EU citizens, and on the effects on visa policy, C (2020) 2050 of 30.03.2020. – URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/what-we-do/policies/european-agenda-migration/20200327_c-2020-2050-report.pdf (дата обращения: 05.09.2021).

² Council Recommendation (EU) 2020/912 of 30 June 2020 on the temporary restriction on non-essential travel into the EU and the possible lifting of such restriction. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:32020H0912&from=EN> (дата обращения: 08.09.2021).

Следует отметить, что масштабы проблемы нехватки рабочей силы в жизненно важных отраслях в отдельных странах ЕС существенно различаются, что отражается на их миграционной политике. Так, в 2020 г. ряд государств (Австрия, Чешская Республика, Швеция) вообще не испытывали недостатка в рабочей силе из третьих стран и, согласно официальным сообщениям, имели возможность полностью удовлетворить спрос на «ключевых работников». Люксембург, Болгария, Венгрия, Латвия и Словения также смогли удовлетворить спрос на рабочую силу за счет внутренних возможностей. В Эстонии и Польше из-за роста безработицы во время эпидемии спрос на рабочую силу из третьих стран упал ниже допандемического уровня [The impact of COVID-19 ..., 2021, p. 11–12].

В Хорватии квота на рабочие визы в 2020 г. не была полностью использована. При этом более 70% рабочих виз получили мигранты для трудоустройства в строительстве, т.е. в секторе, который в значительной степени зависит от граждан из третьих стран и меньше всего пострадал от пандемии. Некоторые страны (Ирландия, Бельгия, Испания), в которых была установлена система приоритетности заявлений на получение рабочей визы, основное внимание уделяли выдаче разрешений на работу в здравоохранении в связи с нехваткой медицинских работников. Так, в Испании в сентябре 2020 г. было разрешено в исключительном порядке и на временной основе нанимать медицинских работников, не имеющих подтвержденного диплома, для выполнения функций по специальности. Им было разрешено заниматься медицинской деятельностью в течение 12 месяцев в рамках первоначального контракта, а в дальнейшем, после продления контракта, еще три месяца. Во Франции была ускорена процедура получения гражданства для медицинских работников из третьих стран, которые находились на передовой линии борьбы с коронавирусом [The impact of COVID-19 ..., 2021, p. 11–12].

Большинство стран ЕС не разрабатывало планов чрезвычайных действий по использованию рабочей силы из третьих стран в жизненно важных отраслях на 2021 г. Как правило, они рассчитывают и в дальнейшем применять режим квот на прием мигрантов и освобождение от ограничений на въезд иностранцев, которые приезжают для работы в жизненно важных отраслях, особенно в здравоохранении. Например, Словакия, которая в 2020 г. заявляла о достаточности рабочей силы в жизненно важных отраслях, в 2021 г. ввела специальный режим временного пребывания для иностранных врачей (как граждан ЕС, так и из третьих стран) при условии, что их диплом будет подтвержден. Однако эта мера предусмотрена только на период кризиса COVID-19 и будет отменена после его окончания [The impact of COVID-19 ..., 2021, p. 12–13].

На иммиграционной политике сказывается также спрос на сезонных рабочих, который неодинаков по странам ЕС. Например, есть страны (Люксембург, Нидерланды), где, по официальным данным, в 2021 г. нет спроса на сезонных рабочих из третьих стран в связи с ростом безрабо-

тицы из-за пандемии. Напротив, в Бельгии, Испании и на Кипре отмечается повышенный спрос на сезонных рабочих. В связи с этим здесь разрешили лицам в возрасте 18–21 года, ищущим убежища, работать на сборе урожая в течение шести месяцев с момента подачи заявления о международной защите. Франция также приняла специальный план поддержки притока сезонных работников для сбора урожая в конкретных сельскохозяйственных районах [The impact of COVID-19 ..., 2021].

Трудовая миграция в странах Восточного партнерства

Кризис COVID-19 выявил значительную зависимость ключевых секторов экономики и неформального сектора стран ЕС от трудовых мигрантов из стран Восточного партнерства (ВП)¹. Эта инициатива является одним из основных направлений восточной политики ЕС, направленной на развитие интеграции с шестью постсоветскими государствами – Арменией, Азербайджаном, Республикой Беларусь², Грузией, Республикой Молдова и Украиной.

ВП предполагает подписание соглашения об ассоциации, создание зоны свободной торговли, гармонизацию национальных законодательств на основе нормативно-правовой базы ЕС, либерализацию визового режима, укрепление многостороннего сотрудничества между ЕС и странами – участницами ВП. С Украиной, Грузией и Республикой Молдова уже подписаны соглашения об ассоциации и создании зон свободной торговли, а с Арменией, Азербайджаном и Республикой Беларусь – соглашения об упрощенном визовом режиме. Одновременно с этими соглашениями заключены соглашения о реадмиссии, предусматривающие процедуру депортации мигрантов на родину, в том числе в связи с их преступной деятельностью. Соглашения с Украиной, Грузией и Республикой Молдова дают возможность их гражданам – держателям биометрических паспортов – посещать страны Шенгенской зоны без визы (не более 90 дней).

Большинство трудовых мигрантов из ВП имеют низкоквалифицированные профессии, которые очень востребованы в странах ЕС. Так, они широко используются в сфере ухода за больными, пожилыми людьми и детьми и в качестве домашней прислуги, трудятся в сельском хозяйстве сезонными рабочими, на транспорте и складах, в пищевой промышленности и т.д. [Indoitu, 2021].

Для большинства стран ВП особенностью последних десятилетий стал рост оттока трудоспособного населения и его значительное превышение над притоком рабочей силы из других стран. Эта тенденция имеет

¹ Восточное партнерство (Eastern Partnership) было создано в 2009 г.

² В конце июня 2021 г. Республика Беларусь, в ответ на введенные против нее санкции, объявила о выходе из инициативы ВП и начале процедуры приостановки действия соглашения о реадмиссии с ЕС.

серьезные негативные последствия для экономики стран ВП: подрывает их трудовой потенциал, снижает качество человеческого капитала, приводит к неблагоприятным изменениям в возрастной структуре населения. Так, из шести стран ВП три (Армения, Грузия и Республика Молдова) в настоящее время имеют отрицательную чистую миграцию¹, что негативно влияет на развитие их трудового потенциала [Indoitu, 2021, p. 10].

Вместе с тем сами мигранты из стран ВП и их семьи получают большую выгоду от трудовой эмиграции в ЕС, что также приносит пользу для социально-экономического развития стран их происхождения. Для многих мигрантов из ВП работа за границей является основным источником дохода, который они пересылают своей семье на родину. Эти деньги дают возможность поддерживать достойный уровень жизни, делать сбережения для приобретения товаров длительного пользования, жилья и т.д., а также для инвестиций в образование детей или бизнес.

В последние годы все большая часть населения стран ВП предпочитает или вынуждена искать способы жизни за рубежом. В настоящее время в целом по региону ВП численность трудовых мигрантов составляет более 11,8 млн человек, примерно 16% населения ВП проживает за границей [Indoitu, 2021, p. 21]. Больше всего граждан, работающих за границей, в Армении (33%) и Республике Молдова (28%) [COVID-19 crisis response ..., 2020, p. 18]. В условиях пандемического кризиса и ограничения мобильности трудовые мигранты из ВП оказались в особенно трудном положении.

Экономический спад вызвал рост безработицы в ЕС, России и США, что привело к резкому увеличению численности возвращающихся мигрантов и сокращению притока денежных переводов в регион ВП. Многие трудовые мигранты, приехавшие в европейские страны, потеряли работу, и их семьи на родине оказались без средств к существованию. Закрывание границ имело особенно пагубные последствия для сезонных рабочих, которые обычно выезжают за границу весной, чтобы трудиться в сельскохозяйственном секторе и в сфере туризма принимающих стран.

За период с марта 2020 г. по февраль 2021 г. (включительно) COVID-19 вызвал возвращение из ЕС примерно трети мигрантов из ВП. При этом основной поток возвращений пришелся на начало пандемии: весной 2020 г. примерно 69,3% всех мигрантов вернулись на родину [Indoitu, 2021, p. 3, 14]. Решение вернуться, как правило, было вызвано потерей работы, ростом стоимости жизни и угрозой здоровью. При этом неразвитость рынка труда в странах ВП определяет недостаточность доступных для возвращающихся мигрантов рабочих мест и в целом плохие перспективы их трудоустройства.

¹ Отрицательная чистая миграция – это миграционная убыль, или чистая эмиграция, т.е. отрицательная разность между прибывшими на данную территорию и выбывшими за ее пределы.

Наиболее острые проблемы трудовой миграции, связанные с кризисом COVID-19, – это потеря доходов и распространение бедности. Увольнения мигрантов ведут к сокращению их денежных переводов на родину и, как следствие, к снижению уровня потребления их семей. В 2019 г. общая сумма денежных переводов мигрантов из стран ВП составила 24,17 млрд долл. Из них наибольшая часть приходилась на мигрантов из Украины (15,78 млрд). В 2020 г. поток денежных переводов мигрантов уменьшился на 20% [Indoitu, 2021, p. 10, 17].

Денежные переводы из-за рубежа, на долю которых приходится более 10% ВВП Армении, Грузии, Республики Молдова и Украины, являются одним из важнейших источников поддержки внутреннего спроса в этих странах [COVID-19 crisis response ..., 2020, p. 13]. Сокращение денежных переводов, а также падение доходов населения вызвали снижение налоговых поступлений в государственные бюджеты, в том числе от НДС¹ (из-за уменьшения потребления).

Во втором квартале 2020 г. в Азербайджане денежные переводы по сравнению с 2019 г. сократились на 10%, а в Грузии, Армении и Республике Беларусь был зафиксирован наибольший спад денежных переводов – соответственно на 25%, 30% и 40%. Наблюдалось также сильное сокращение денежных переводов в Республике Молдова – на 20%, в то время как на Украине – крупнейшем получателе денежных переводов в регионе (14 млрд долл. в 2019 г.) – общий объем денежных переводов снизился примерно на 13% [Indoitu, 2021, p. 18].

Для семей мигрантов из Украины денежные переводы составляют в среднем 50–60% их бюджета и, таким образом, представляют собой основной источник дохода [Assessment of the socio-economic ..., 2020, p. 83]. В Республике Молдова четверть домохозяйств (237 тыс.) получают денежные переводы, и для половины этих домохозяйств (118 тыс.) такие переводы составляют более 50% их располагаемого дохода [Indoitu, 2021, p. 19]. В отсутствие денежных переводов, по оценкам экспертов, примерно 100 тыс. молдавских домохозяйств оказываются в нищете [IOM rapid field ..., 2020, p. 4].

В Армении в 2017 г. доля домохозяйств, получающих денежные переводы из-за рубежа, достигла 43%; при этом около 98% денежных переводов тратятся на повседневные потребительские расходы [Armenia international ..., 2019, p. 13]. В Грузии 8–10% домохозяйств зависят от денежных переводов членов семьи, работающих за границей [Labadze, Tukhashvili, 2013, p. 28], а в Азербайджане – 14% домохозяйств [Indoitu, 2021, p. 19].

В контексте пандемии высокая зависимость от денежных переводов из-за рубежа в регионе ВП привела к повышению уровня бедности

¹ При этом НДС составляет 33% всех налоговых поступлений в Армении, 19% в Азербайджане, 29% в Республике Беларусь, 42% в Грузии, 51% в Республике Молдова и 41% на Украине [COVID-19 crisis response ..., 2020, p. 14].

семей мигрантов. Так, на Украине почти 300 тыс. вернувшихся в 2020 г. на родину мигрантов подвергаются риску бедности из-за недостаточности финансовых средств. В целом по стране около 18–21 млн человек проживают за чертой бедности, т.е. на 6–9 млн больше, чем до пандемии COVID-19. Это работающие бедняки, которые не имеют сбережений и часто не могут получить пособия по безработице из-за того, что трудятся в неформальном секторе [Indoitu, 2021, p. 20].

Пандемия COVID-19 оказала сильное негативное воздействие на экономическое развитие стран ВП. В 2020 г. сокращение ВВП в этом регионе составило в среднем 4,5%. В Армении, Грузии, Республике Молдова и Украине ВВП уменьшился на 5–5,5%. В Азербайджане и Республике Беларусь падение было не столь драматичным – соответственно 3% и 3,5%. Снижение цен на сырьевые товары создало дополнительные проблемы для стран-экспортеров углеводородов и металлов – Азербайджана, Украины и Армении, а коллапс туризма негативно повлиял на экономику Грузии.

Ожидается, что в 2021 г. из-за снижения производительности, ограничения мобильности и кризиса в области здравоохранения восстановление экономики стран ВП будет медленным, а уровень безработицы будет более высоким, чем в 2020 г. Вместе с тем в 2021 г. ожидается положительный рост ВВП, который составит в среднем по региону 2,5% [Indoitu, 2021, p. 17]. Учитывая уменьшение объема денежных переводов мигрантов и уровня потребления их семей, а также снижение зарплат и увольнения работников в странах ВП, предполагается дальнейшее сокращение потребления населения, что будет ухудшать финансовое положение предприятий. В этом контексте в средне- и долгосрочном периодах воздействие кризиса на финансовую систему и макроэкономическую стабильность стран ВП может привести к беспрецедентной экономической депрессии [Indoitu, 2021, p. 15].

Заключение

Эпидемии и пандемии, безусловно, будут повторяться, но их последствия в значительной степени зависят от уровня устойчивости основных экономических и социальных институтов к непредвиденным ситуациям. Трудовые мигранты, как правило, составляют существенную долю «ключевых работников» в жизненно важных отраслях, и потребность в таких работниках в условиях природных бедствий возрастает. Особое значение приобретают вопросы, касающиеся трудовой миграции, в настоящее время. Как показывает опыт пандемии COVID-19, традиционные представления о роли мигрантов в экономике должны быть пересмотрены.

Усилия по обеспечению адекватного реагирования на проблемы трудовой миграции в контексте кризиса COVID-19 не могут ограничиваться только реактивным краткосрочным вмешательством, которое предпринимается при возникновении инцидента, конфликта или затруднения.

Они должны носить проактивный (упреждающий) характер и реально стимулировать развитие человеческого капитала, согласованное с восстановлением экономики и обеспечением ее устойчивости [Indoitu, 2021].

Современная пандемия обострила целый ряд проблем, которым ранее уделялось мало внимания. Так, она подчеркнула необходимость наличия оперативной и эффективной системы пограничного контроля для борьбы с незаконной миграцией, которая, вероятно, резко усилится после снятия карантинных ограничений. Пандемия обнаружила также проблему недостаточного охвата мигрантов услугами здравоохранения. В условиях высокой степени неопределенности развития рынка труда и ухудшения социально-экономического положения трудовых мигрантов их здоровье подвергается большей опасности, чем здоровье коренных жителей.

Тематика трудовой миграции является крайне актуальной не только для ЕС, но и для России, которая принимает большое число мигрантов из стран Европы и Центральной Азии. Как и в европейских странах, пандемия существенно ухудшила положение трудовых мигрантов в нашей стране. При этом в условиях пандемии власти России действуют примерно по той же схеме регулирования миграционных потоков и поддержки трудовых мигрантов, что и большинство европейских государств.

Специфика ситуации в России состоит в том, что, несмотря на массовые увольнения работников и относительно высокую безработицу среди российских граждан, из-за сокращения миграционного потока во всех регионах ощущается дефицит низкоквалифицированной рабочей силы (особенно в строительстве, торговле, транспорте и складском хозяйстве). Теоретически, уход трудовых мигрантов и рост безработицы среди коренного населения должны были вызвать процесс замещения мигрантов гражданами России. Однако на деле такого не происходит. Коренные жители находятся в более выгодном положении на рынке труда и неохотно соглашаются на работу, которую ранее выполняли мигранты.

По данным Главного управления по вопросам миграции МВД России, количество фактов постановки на миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства уменьшилось почти вдвое – с 19,5 млн в 2019 г. до 9,8 млн в 2020 г. Сократилось также и количество разрешений на работу иностранным гражданам и лицам без гражданства – с почти 126,9 тыс. до 62,7 тыс. Из них основную часть составляли мигранты с низкой квалификацией – соответственно 92,5 тыс. и 42,2 тыс. [Сводка основных ..., 2020]. Эта тенденция повлияла на объем денежных переводов мигрантов на родину (сокращение составило 2,4% по сравнению с 2019 г.). Тем не менее Россия сохранила свои позиции в группе стран, из которых мигранты отправляют наибольшие объемы денежных переводов (после США, ОАЭ и Саудовской Аравии). Россия осталась также четвертой принимающей мигрантов страной после США, Германии и Саудовской Аравии [Migration and development ..., 2021, p. 2, 8].

В постковидный период потребность в иностранной рабочей силе в России сохранится, и нехватка трудовых мигрантов будет тормозить восстановление экономики. По этой причине России, как и западным странам, предстоит переосмыслить вклад трудовых мигрантов в социально-экономическое развитие и соответствующим образом адаптировать методы иммиграционной политики. Не менее важно продумать и запустить механизмы проактивного реагирования на подобные нынешней пандемии ситуации, чтобы контролировать резкие изменения на рынке труда, в социальной сфере и экономике.

Список литературы

1. Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь-декабрь 2020 года / МВД РФ. – 2020. – 21.01. – URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/22689548/> (дата обращения: 15.08.2021).
2. Anderson B., Poeschel F., Ruhs M. Covid-19 and systemic resilience: Rethinking the impacts of migrant workers and labour migration policies / SSRN. – 2020. – 26 p. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3690413 (дата обращения: 15.08.2021).
3. Armenia international outmigration: An exploration on the effects on Armenian households' welfare / World Bank. – 2019. – 38 p. – URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/32537> (дата обращения: 15.08.2021).
4. Assessment of the socio-economic impact of Covid-19 in Ukraine / UN. – 2020. – 169 p. – URL: <https://ukraine.un.org/sites/default/files/2020-12/UN%20SEIA%20Report%202020%20%281%29.pdf> (дата обращения: 15.08.2021).
5. COVID-19 crisis response in Eastern Partner countries / OECD iLibrary. – 2020. – 44 p. – URL: https://www.oecd-ilibrary.org/economics/covid-19-crisis-response-in-eastern-partner-countries_7759afa3-en (дата обращения: 15.08.2021).
6. Damiani A. La pandémie de Covid-19 a empêché de nombreux migrants d'arriver en Europe / EURACTIV France. – 2021. – 23.04. – URL: <https://www.euractiv.fr/section/migrations/news/la-pandemie-de-covid-19-a-empeche-de-nombreux-migrants-darriver-en-europe/> (дата обращения: 15.08.2021).
7. Fasani F., Mazza J. Being on the frontline? Immigrant workers in Europe and the COVID-19 pandemic // IZA. – 2020 a. – (IZA discussion papers series ; N 13963). – URL: <https://www.iza.org/publications/dp/13963/being-on-the-frontline-immigrant-workers-in-europe-and-the-covid-19-pandemic> (дата обращения: 15.08.2021).
8. Fasani F., Mazza J. COVID-19 and migrant workers' employment prospects in Europe // Vox CEPR. – 2020 b. – 25.01. – URL: <https://voxeu.org/article/covid-19-and-migrant-workers-employment-prospects-europe> (дата обращения: 15.08.2021).
9. Fasani F., Mazza J. Immigrant key workers: Their contribution to Europe's Covid-19 response / IZA. – 2020 c. – 32 p. – (IZA Policy Paper ; N 155). – URL: <https://www.iza.org/publications/pp/155/immigrant-key-workers-their-contribution-to-europes-covid-19-response> (дата обращения: 15.08.2021).

10. Fernández-Reino M., Sumption M., Vargas-Silva C. From low-skilled to key workers: The implications of emergencies for immigration policy // *Oxford rev. of econ. policy.* – 2020. – Vol. 36. – P. S382–S396. – URL: https://academic.oup.com/oxrep/article/36/Supplement_1/S382/5840657 (дата обращения: 15.08.2021).
11. Global wage report 2020–21: Wages and minimum wages in the time of COVID-19 / International labour organization. – Geneva, 2020. – 212 p. – URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_762534.pdf (дата обращения: 15.08.2021).
12. Hooper K., Le Coz C. Seasonal worker programmes in Europe: Promising practices and ongoing challenges / Migration policy institute. – Washington, DC ; Brussels, 2020. – 20 p. – URL: <https://www.migrationpolicy.org/sites/default/files/publications/MPIE-Seasonal-Workers-Policy-Brief-Final.pdf> (дата обращения: 15.08.2021).
13. Human mobility data in the COVID-19 pandemic: characteristics, applications, and challenges // *SSRN Electronic j.* – 2021. – 21.06. – URL: <https://ssrn.com/abstract=3851789> (дата обращения: 15.08.2021).
14. Indoitu A. Impact of COVID-19 on labour migration from EaP countries to the EU / EaP CSF. – 2021. – 67 p. – URL: <https://eap-csf.eu/wp-content/uploads/Impact-of-COVID-19-on-labour-migration-from-EaP-countries-to-the-EU.pdf> (дата обращения: 15.08.2021).
15. IOM rapid field assessment of the impact of COVID-19 on the wellbeing of the Moldovan diaspora: an evidence base regarding migrants' coping strategies and contributions / IOM. – 2020. – 31 p. – URL: https://moldova.un.org/sites/default/files/2020-07/IOM%20Diaspora%20Survey%20Report-EN_FINAL_3.pdf (дата обращения: 15.08.2021).
16. La pandémie a exacerbé les facteurs de migrations // *Ouest-France.* – 2021. – 24.03. – URL: <https://www.ouest-france.fr/monde/migrants/la-pandemie-a-exacerbe-les-facteurs-de-migrations-estime-l-oim-a616a7da-8cab-11eb-9110-2125e71d23e4> (дата обращения: 15.08.2021).
17. Labadze L., Tukhashvili M. Costs and benefits of labour mobility between the EU and the Eastern Partnership partner countries: Country report: Georgia / CASE network studies and analyses. – Warsaw, 2013. – N 463. – 58 p. – URL: https://case-research.eu/sites/default/files/publications/CNSA_2013_463.pdf (дата обращения: 15.08.2021).
18. Migration and development Brief 34: Resilience COVID-19 crisis through a migration lens / Ratha D., Ju Kim E., Plaza S., Seshan G. – Washington, DC : KNOMAD-World Bank, 2021. – 56 p. – URL: https://www.knomad.org/sites/default/files/2021-05/Migration%20and%20Development%20Brief%2034_0.pdf (дата обращения: 15.08.2021).
19. New Zealand immigration: construction & infrastructure skill shortage list // *New Zealand immigration.* – 2020. – URL: <https://skillshortages.immigration.govt.nz/assets/uploads/canterbury-skill-shortage-list.pdf> (дата обращения: 15.08.2021).
20. The impact of COVID-19 in the migration area in EU and OECD countries / OECD. – 2021. – 38 p. – URL: <https://www.oecd.org/migration/mig/00-eu-emn-covid19-umbrella-inform-en.pdf> (дата обращения: 15.08.2021).
21. What is the impact of the COVID-19 pandemic on immigrants and their children? / OECD. – 2020. – 26 p. – URL: https://read.oecd-ilibrary.org/view/?ref=137_137245-8saheqv0k3&title=What-is-the-impact-of-the-COVID-19-pandemic-on-immigrants-and-their-children%3F&_ga=2.126522190.2113620976.1623950031-247244291.1621011632 (дата обращения: 15.08.2021).